

ОТ ГЭЛЛАПА К ГРУШИНУ: ПРИГЛАШЕНИЕ К РАЗМЫШЛЕНИЯМ

Лариса Федотова
доктор социологических наук, факультет журналистики МГУ

Настоящие заметки — это итог размышлений по поводу книги Б. З. Докторов «Первопроходцы мира мнений: От Гэллала до Грушина» (Москва, Фонд «Общественное мнение. 2005). Ее с интересом и пользой прочтут и те, кто знает об изучении общественного мнения лишь понаслышке, и профессионалы, работающие в этой области социологии.

1. Автор назвал свою работу учебником. В определенном смысле такое обозначение жанра книги справедливо. Но это учебник — особый, он не учит методам построения выборки, не разбирает приемы формулировок вопросов и т. д. В нем показано движение мысли «первопроходцев» мира мнений и процесс зарождения современной опросной технологии. И в этом своем качестве книга встанет на полку немногочисленных русскоязычных работ по общественному мнению. Но даже они содержат крайне мало сведений о персоналиях, ставших предметом внимания Б. З. Докторов. А ведь это имена значимые, более того — знаковые для науки и культуры XX века. Каждый из них: американцы — Джордж Гэллал, Арчибальд Кроссли, Хэдли Кэнтрил и Элмо Роупер, а также российский ученый Борис Грушин — внес вклад в методологию и методику изучения общественного мнения, а значит, — в историю предмета. Соответственно, инструментальная задача такого жанра, как учебник, будет выполнена сполна. Работа окажется востребованной студентами, войдет в библиографический набор изучаемой дисциплины, обогатит своим содержанием человека, связавшего свою профессиональную деятельность с изучением общественного мнения.

И все же, назвав свою работу учебником, автор несколько искусственно «засушил» ее. Мне она представляется скорее дискурсом, употребим это новомодное слово в том его определении — одним из если не сотни, то нескольких десятков — которое дает нидерландский исследователь Т. ван Дейк. Дискурсом он называет комплексное коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим в процессе коммуникативного действия в определенном контексте¹.

Как нельзя лучше в таком случае отражается природа исследования и его результата. Борис Докторов воспроизводит, рассматривает основные моменты прошлого: возникновение, расцвет и «закат» так называемых «соломенных опросов», путь Гэллала, опыт Кроссли, начало деятельности журнала «Форчун», работы Кэнтрила, деятельность полстеров в годы войны по заказам правительства и непосредственно президента Рузвельта, «фiasco-48», становление опросов Грушина. Все это изложено обстоятельно, практически никто до него этой темы не излагал в российской литературе. И все же главным для Докторов было — обозначить роль первопроходцев в этом прошлом и показать те биографические (личностные, профессиональные) особенности исследователей, сделавших столь крупным масштаб их присутствия в истории, в истории изучения общественного мнения.

В книге используются опубликованные, в частности, редко цитируемые материалы, привлекаются мнения ныне здравствующих специалистов, впервые приводятся некоторые архивные материалы, даются выдержки из переписки автора книги с потомкам ряда героев его книги. Здесь начинается пиршество для профессионалов.

2. Автор активно связывает личностные особенности исследователей с их мировоззренческими характеристиками. Так, неоднократно подчеркивается то обстоятельство, что Гэллал, другие первопроходцы, а также их последователи видели в опросах общественное мнение механизмом осуществления демократии².

На мой взгляд, указанный тезис сейчас не нуждается в обосновании, но его можно проиллюстрировать примером из отечественной истории. До хрущевской оттепели известный в то время публицист — «правдинец» Ю. Жуков, часто в своих статьях

«разоблачавший» американскую демократию, упоминал в этой связи и Гэллала с его опросами. Забавно, кстати, что журналист в частности критиковал само количество респондентов, результаты опроса которых Гэллал экстраполировал на мнение всего населения США. Аналогичный факт указывался и Гэллалом: в начале его исследовательской карьеры ему изрядно доставалось от журналистов, которые никак не могли понять природу выборочного опроса и смириться с относительно небольшими количеством опрашиваемых. В моем архиве долго хранилась вырезка из «Правды» тех лет — карикатура изображала некоторую тенденцию во мнениях опрошенных, а заголовок гласил: «Гэллопом по Европам».

Но, начиная с «оттепели», советские газеты публиковали очерковые материалы о Гэллале и его Институте. Например, вспоминаю обстоятельную статью С. Кондрашова, собственного корреспондента «Известий» в Америке, сделанную им для «Недели» (но не для «Известий», что тоже симптоматично: «Неделя» была более «раскованной»). В статье приводилось множество фактов из истории изучения общественного мнения и акцентировалась роль исследований такого рода в изучении отношения населения США к СССР. Как правило, интервью с Гэллалом касались именно этой проблематики. Но что существенно — изменился тон повествования об этой отрасли изучения жизни общества: в материалах цитировались оценки деятельности Гэллала американской прессой, вплоть до самых восторженных. Все это можно рассматривать в качестве начала русскоязычной «гэллалаианы».

Б. А. Грушин в своих публикациях и устных воспоминаниях часто подчеркивает реакцию западной прессы на факт начала опросов общественного мнения в нашей стране (исследовательский проект Грушина в «Комсомольской правде»). На первый план в этих выступлениях зарубежной прессы выдвигался тезис о том, что опросы свидетельствовали о начале социо-политических трансформаций в СССР. Грушин вспоминает, что именно такая интерпретация его первых опросов (хотя она, конечно, была справедливой — но сказать так значило заставить задуматься об этом многих) немало вредила существованию службы в «Комсомольской правде». На кардинальные трансформации, как известно, власть тогда шла медленно и весьма неохотно...

Интересная информация о внимании советского общества к проблематике общественного мнения содержится в сравнительном исследовании упоминаний данного направления социологии в газете «Правда» в 1971 и 1986 гг.³ Именно в означенное пятнадцатилетие произошел качественный скачок в отношении прессы и общества к проблемам изучения мнений населения.

Общие объемы внимания газеты к социологической проблематике следующие: в 1971 году было опубликовано за полгода 45 материалов, касающихся социологии, в 1986 году — 81 материал.

Таблица 1.
Распределение упоминаний
социологической проблематики в газете
«Правда» в 1971 и 1986 гг.
в % к общему числу упоминаний)

	1971	1986
Общие проблемы социологии, социология как наука	46	20
Социальное прогнозирование, футурология	10	2
Социология отдельных социальных подсистем	17	32
Опросы общественного мнения	27	46

¹ Зайцев Е. Дискурс-анализ — это анализ дискурса? // Медиальманах, 2004. № 4–5. С. 51.

² Очень точно об этом сказал М. Кундера: «Опросы общественного мнения — это постоянно действующий парламент». Кундера М. Бессмертие. СПб., 2000. С. 129.

³ Исследование проводилось в рамках проекта «Общественное мнение» в Институте конкретных социальных исследований АН СССР в 1971 г. (руководитель Б. А. Грушин, автор исследования Л. Н. Федотова) и было повторено в 1986 году.

Еще больший интерес представляет распределение этих упоминаний по локальности — идет ли речь о советской социологии или о состоянии с этой наукой, в т. ч. и с эмпирическими исследованиями, в других странах.

Таблица 2.

Распределение упоминаний социологической проблематики в газете «Правда» в 1971 и 1986 гг. (в % к общему числу упоминаний)

	1971		1986	
	СССР	За рубежом	СССР	За рубежом
Общие проблемы социологии, социология как наука	71	21	71	29
Социальное прогнозирование, футурология	60	40	100	0
Социология отдельных социальных подсистем	89	11	72	18

Обратим внимание на то, что все упоминания общественного мнения и его изучения в «Правде» касались лишь зарубежных стран, и только десятая часть их стала относиться к советской действительности через 15 лет.

Возвращаясь к теме начала появления русскоязычных материалов о Гэллапе — остальные персонажи книги Докторова до сих пор известны лишь узкому кругу специалистов, — отмечу также несколько статей об опросах общественного мнения, появившихся в конце 60-х — начале 70-х в научном журнале Института США и Канады «США: экономика, политика, идеология» (в частности, публикации М. Петровской и К. Бойко).

Особенно хотелось бы упомянуть — и это еще одно доказательство параллелизма в деятельности Гэллапа и Грушина, эта тема пунктиром проходит в исследовании Б. Докторова, что в структуре первого профессионального подразделения по изучению общественного мнения, организованного Грушиным, Центра изучения общественного мнения (ЦИОМ) (1969–1972) в лоне Института конкретно-социологических исследований АН СССР (одно это название, от которого ИСИ впоследствии отказался, говорит многое о судьбе социологии в те времена) ряд сотрудников должны были аккумулировать любую литературу, письменные источники, тексты анкет и проч. Казалось, что профессиональная деятельность по изучению общественного мнения в стране — это «всерьез и надолго». Основу такого накопительного фонда составляли именно упоминания Гэллапа и его Института (хотя были мощно представлены и «франко-язычные» источники) и в прессе, и в профессиональной литературе. В библиотеку ИКСИ откуда-то попали данные опросов Гэллапа за 1970 год; то была внушительная папка. Мы расписали ее «повопросно». Безусловно, препарирование методики опросов могло бы помочь в будущей работе, но Центр вскоре закрыли.

3. И здесь можно было бы поговорить с Б. Докторовым, который делает акцент на том, что советским социологам была мало известна литература, связанная с американскими исследованиями общественного мнения. Профессионалы знали эту литературу, вводили обсуждаемую тематику в свои исследования (иногда без ссылок: именно они зачастую актуализировали предвзятость поведения...). В «Ленинке» был отдел № 13 (в отдельные годы это была комната № 1), так называемый спецхран, который был просто рабочим местом людей, которые занимались этой проблематикой. Доступ туда оформлялся по представлению справки с места работы, которая удостоверяла, что человек занимается данной проблематикой.

Справка подписывалась руководителем подразделения, на нее ставилась гербовая печать...

Там были собраны богатейшие источники, практически все упоминаемые Докторовым книги американских авторов, журнал «Public Opinion Quarterly» с момента его издания и многие другие периодические издания: American Journal of Sociology, Communication Research, Social Forces, Social Sociology and Research, Sociological Methods and Research. Правда, пользователь давал подписку, что он не будет использовать **данные**, прочитанные им в этой комнате, в открытой печати, но это никому не мешало использовать их в текстах диссертаций, в учебном процессе. Так, вспоминаю, что на семинаре Ю. А. Левады, который он вел в конце 60-х — начале 70-х гг. на факультете журналистики МГУ, мы главу за главой прорабатывали книгу Уолтера Липпмана «Общественное мнение»⁴, это был собственный экземпляр Юрия Александровича.

Существовала и другая практика — и многие социологи сейчас это подтверждают — «критиковать» (а иногда и без кавычек) американского автора, давая описание книги, метода, методологических наработок и т. д. Долгое время для широких масс студентов, аспирантов, даже профессионалов-социологов это было иногда единственной возможностью познакомиться с социологической теорией. Отчасти это относится и к теории общественного мнения. Но как раз «идеологическая» составляющая мешала прохождению в научных изданиях «собственных» материалов советских исследователей, связанных с изучением общественного мнения.

Сошлюсь на собственный опыт. Моя статья «Из истории изучения общественного мнения в США» была передана журналу «Вопросы философии» в 1972 году и проанонсирована им в номере 11 за 1973 год. Тем не менее, статья пролежала там еще лет пять, и была опубликована только в 1980 году в открывшихся к тому времени «Социологических исследованиях». За этим стоят неоднократные обсуждения рукописи на редколлегии «Вопросов философии».

В стенограмме, хранящейся в моем архиве, есть слова членов редколлегии «Вопросов философии» о том, что это «хорошая статья», и для нее «надо ввести рубрику «Социология за рубежом» или «Философия и социология». Один из членов редколлегии (стенограмма была дана мне только для рабочих выводов из нее, и я не вправе цитировать автора тех слов, которые могут сегодня поставить его в неловкое положение) сказал буквально следующее: «Я также считаю, что это очень интересный материал, очень интересная информация. Но есть одна вещь, о ней трудно говорить, становясь в неловкое положение. Какой-то классовый подход возможен здесь или нет? Я понимаю — речь идет о технике исследования, о каких-то вещах изолированных от идеологии, от политики и т. д., но ведь это вещь чисто политическая».

После нескольких лет, когда открылся журнал «Социологические исследования», «Вопросы философии» предложили перенести статью туда. Редактор этого нового журнала передал текст на рецензию двум экспертам. Х. Н. Момджян⁵ отметил: «Мы рекомендовали бы дать концовку статьи. Здесь можно было бы указать, что в связи с задачей глубокого и всестороннего изучения общественного мнения в СССР / это уже наступил 1976 год — Л. Ф./ критически проанализированный опыт /sic! — Л. Ф./ американских организаций и, в частности, института Гэллапа, бесспорно, заслуживает внимания». Вторым был зам. директора ИКСИ, член редколлегии журнала Г. В. Осипов⁶. Он предложил поместить в начало статьи цитату из Ленина (заинтересованный читатель сегодня увидит, что она осталась в опубликованном тексте), после чего опубликовать ее в № 1 1977 г. Но и после этого статья

⁴ Lippmann W. Public Opinion. N. Y.: Harcourt, Brace & Company. 1922.

⁵ Момджян Хачик Нишанович — (1909–1996), в то время профессор Академии общественных наук при ЦК КПСС.

⁶ Осипов Геннадий Васильевич (р. 1929), тогда доктор философских наук, профессор.

долго лежала в редакционном портфеле — дозревала «политически» — и увидела свет только через три года⁷.

Тесно примыкает к вышеизложенному проблема *относительности общества к исследованиям общественного мнения*. В той мере, в какой самой сфере исследований общественного мнения уготована вечная жизнь — стремление к саморефлексии общества едва ли не равнозначно понятию самого общества (а начиная с новейшего времени — определенно), эта проблема будет воспроизводиться при каждой смене поколений. И все же в этом смысле Гэллапу, Кроссли и Роуперу было легче: к середине 1930-х, когда они начинали зондировать мнение, в американском общественном сознании уже свыше века существовала идея и практика «соломенных опросов». С воспроизведением их истории Б. Докторовым закрыт ряд белых пятен в русскоязычном профессиональном сознании. Иначе было в ситуации, в которой изначально находился исследовательский коллектив Грушина. Вспомнив, что это было время ранней «оттепели», легко понять ситуацию, в которой оказывались респонденты: к ним приходили «люди из Москвы» и задавали разные вопросы, самой тематикой ставившие их в сложное положение. Первый — и единственный общесоюзный — опрос ЦИОМ⁸ включал вопросы о пьянстве, о товарах длительного пользования, имеющихся в семье, о способах хранения сбережений и т. д. Когда мы, будучи сотрудниками ЦИОМ⁸, работали в городе Шемахе Азербайджанской ССР, нас принимали за ревизоров из Москвы. Респонденты спешили поделиться с нами своими горестными размышлениями о коррупции на местах, как мы бы сейчас сказали.

Сегодня исследователи общественного мнения понимают, что опрос — это всегда слав искусства задавать вопросы, доброй воли и готовности населения отвечать на них, а также социо-, политико-, экономической обстановки в социуме на тот момент. Но это знание нарабатывалось с годами.

4. Еще одна проблема, обозначенная в книге, это *сопоставление вкладов Гэллала и Грушина в методологию, теорию изучения общественного мнения*. Это — очень сложная теоретико-методологическая задача, и, хотя Докторов вносит в ее решение весомый вклад, она, как мне кажется, продолжает оставаться открытой для научных дискуссий.

Если бы Грушин только перенес организационный прецедент Института Гэллала, его методику на российскую почву, он бы и тогда заслужил лавры первопроходца. Но думаю, нужно, вслед за Докторовым, сопоставлять и концептуальный взгляд этих ученых на изучаемый предмет.

Говоря коротко, Гэллапу прежде всего была интересна коммуникативная парадигма существования общественного мнения: как обеспечить методически диалог исследователя общественного мнения и носителя индивидуального мнения; как при этом сохранить объективную беспристрастность исследователя; как трансформировать набор индивидуальных мнений в общественное мнение — ведь понятия репрезентативности мнения, «взвешенность» отдельных групп в изучаемой совокупности, сама идея обеспечить репрезентативную представленность в выборке определенных социально-демографических групп процедурно связаны именно с этой задачей.

Грушин также плотно занимался этими проблемами. Достаточно вспомнить его виртуозные попытки обеспечить репрезентативность ранних исследований при дефиците денежных, кадровых, организационных средств; сегодняшний читатель может найти эти воспоминания в книгах Грушина⁸. Методические поиски адекватного диалога с опрашиваемыми осуществлялись на исследовательском полигоне проекта «Общественное мнение» (1968–1972 годы) с его почти сотней процедур, большая часть которых включала анкетирование и интервьюирование населения, и ЦИОМ⁸.

⁷ Федотова Л. Н. К истории исследований общественного мнения // Социологические исследования, 1980, № 4. С. 161–69. См. также: Федотова Л. Н. Паблик рилейшнз и общественное мнение. Серия «Учебник для вузов». М.: Издательство «Питер», 2003.

⁸ Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 1-я «Эпоха Хрущева». М.: Прогресс-Традиция. 2001; Жизнь 2-я «Эпоха Брежнева» Часть 1. М.: Прогресс-Традиция. 2003.

Одновременно, и в не меньшей степени, Грушина — философ и логика, интересовала феноменология общественного мнения, его место в более общей структуре общественного сознания эпохи. Стремление понять природу массового сознания-общественного мнения составляет едва ли не главный нерв в исследовательский биографии Грушина Б. А., и в своей сегодняшней работе он продолжает и развивает эти многолетние поиски. Подробный анализ Докторовым данной составной части теоретических исследований Грушина является хорошим компасом для читателя обсуждаемой книги.

5. Главную часть содержания рассматриваемой книги составляет анализ американской истории опросов общественного мнения и рассмотрение творчества американских полстеров, однако дискурсивная сущность работы вывела меня на обсуждение того, что мне в первую очередь знакомо по личному опыту: на прошлое исследований мнений в СССР/России. Потому мне показалось интересным узнать у Докторова, с которым мы знакомы более двадцати лет, не предполагает ли он продолжить начатые поиски, сконцентрировав их теперь на изучении именно российской реальности. Я поделилась с ним моими соображениями о книге и спросила его о перспективах ее «русского продолжения». Реакция Докторова показалась мне несколько неожиданной, и с его разрешения приведу два фрагмента его ответа:

«В принципе я согласен с тобою относительно дискурсивной направленности моей работы. Я действительно старался уходить от прямых выводов, от однозначности в изложении многих событий, от повторения того, что стало общеизвестным. Втягивал читателя в размышления. В моем понимании, сейчас делаются лишь первые шаги в постижении американской истории изучения общественного мнения, и потому крайне важно определить общие горизонты, принципы подобных исследований... Уверен, что многое из сделанного российскими историками науки, культурологами, науковедомы может оказаться ценным для постижения важного для нас опыта американских полстеров...

Возможность «русского продолжения» — многоспектрный вопрос; в нем присутствуют методологический, информационный, организационный и «человеческий», или «личностный», аспекты. Прежде всего, история — дальнорозорка, российская практика изучения мнений пока «коротковата» для собственно исторических обобщений. Во-вторых, в моих условиях изучение прошлого российских опросов может оказаться крайне затруднительным. В Америке сложно добывать необходимые российские книжные и журнальные публикации, тем более — отчеты, создававшиеся тоннами. Один пример: в семидесятые годы в Ленинграде под руководством Б. Фирсова была проведена серия зондажей отношения работающего населения города к проблемам внутренней и международной политики СССР. Ничего, отражающего эту работу, не опубликовано.

В третьих, многое — к сожалению — потеряно, уничтожено, и лишь беседы с участниками исследований, проведенных три-четыре десятилетия назад, могут что-то восстановить. Вот это я потихоньку делаю. Есть интервью (отмечу в порядке их проведения) с Ю. Сатаровым, А. Ослоном, Б. Фирсовым, Я. Гилинским, В. Ядовым, Л. Кесельманом, есть мозаика воспоминаний о Я. Капеллоше. Ряд интервью будет завершен в ближайшие полгода. Но все это лишь заготовки для тех, кто начнет систематически изучать, описывать историю советских/российских исследований общественного мнения. К созданию такой обобщающей работы, думается, можно приступать лишь через пару десятилетий. Все, что будет сделано раньше, может оказаться неточным, субъективным, политизированным.

Более того, если я — российский аналитик — рискнул писать историю американских опросов, то может быть какой-либо американский или европейский ученый решится изучить зарождение и становление опросов в России? Поверь мне, в этом есть глубокий смысл. Речь идет о независимости ученого, не связанности его с принадлежностью к тем или иным отечественным школам, о его полной свободе в интерпретации фактов и построении обобщений».